

гнали. Что касается разговоров о воздержании Пифагора, то это отрицали Аристотель и его ученик музыкант Аристоксен, а впоследствии Плутарх и некоторые другие; подобное можно было выдумать об Эмпедокле и Орфее.

5. А если даже они были воздержанными, разве следует тотчас, совсем не раздумывая, подражать им? Для чего они это делали? Для того, чтобы не вводить кого-то в расходы? Или чтобы казалось, что они мудрее других и не живут по обычаю? Или же им не нравились мясо и другие продукты, раз они не употребляли их? Например, некоторые отказываются от вина, почему и называются трезвенниками; ведь от того, что не нравится, воздерживаться легко. Поэтому нужно смотреть не на то, что делают, а по какой причине и сколь правильно делают. Я уж не буду говорить, что Эмпедокл, желая считаться богом, прыгнул в Этну, а Орфей был обвинен в каком-то значительном позорном поступке.

6. Вообще о пище пусть каждый думает что хочет. Мне же всегда казалось, что в высшей степени умно и справедливо говорит тот, кто хотел бы получить журавлиную шею, чтобы продлить наслаждение, если только длинная шея дает продолжительное наслаждение в еде и питье. Отчего же я не могу сказать то, что думаю? О, если бы у человека было не пять, а пятьдесят или пятьсот чувств! Ведь если хороши те, которые мы имеем, почему бы нам не пожелать и других такого же рода?

XXIV

1. Перейдем к винам, восхвалять которые не стыдно в любой речи. Действительно, разве мы не можем здесь повторить самую большую похвалу, которую я высказал выше, а именно что пьем вина мы отличаемся от животных. Смех же я не могу так хвалить и воздавать благодарность природе за то, что она дала его главным образом людям вместе с плачем и слезами, хотя Вергилий, следуя поэтическому обычаю, показал коня Палланта оплакивающим смерть хозяина, а Гомер наделил слезами коней Ахилла по случаю смерти Патрокла. Не отрицаю, что плач, жалобы и смех даны только людям; первые в основном для облегчения страданий, второй для выражения радости; но особенно благодарить природу надо за более важное, если к тому же учесть, что смех имеет большое сходство с плачем.

2. Итак, я воздаю природе величайшие благодарности за все, о чем только что говорил, и, соединив все это вместе, хочу выступить с большой и громкой хвалебной речью. Пожалуй, двумя вещами мы, люди, превосходим прочие живые существа: тем, что обладаем речью и что можем пить вино; первое выходит из нас, а второе входит. И хотя не всегда приятно говорить, когда есть удобный момент, пить же всегда приятно, если не испорчены вина или не повреждены вкусовые ощущения. Нам и природой дано так, что в детстве человек раньше узнает вина, чем начинает говорить, и старик разучивается сначала хорошо говорить, а затем хорошо пить, до такой степени растет день ото дня наслаждение этим естественным даром природы; поэтому у Теренция и сказано "орлиная старость".

3. Поскольку я назвал эту птицу, мне могут возразить: разве некоторые птицы не пьют вина? Им отвечу так: разве некоторые птицы не говорят? Полагаю, что поскольку они это делают по принуждению и несовершенно, не стоит говорить ни о том, что они обладают даром речи, ни о том, что они пьют вино. Итак, питье вина, как и речь, является естественным свойством, присущим только людям. Какая похвала способна в достаточной мере быть достойной этого блага!

4. О, вино – создатель веселья, учитель радостей, спутник счастливого времени, утеха в несчастье! Ты – руководитель пиров, ты – вождь и правитель свадеб, ты – судья мира, согласия и дружбы; ты – отец сладчайшего сна, ты восстановитель сил в уставших телах, как говорит твой почитатель Гомер, ты – облегчение в тревогах и заботах, ты из немощных делаешь нас сильными, из робких смелыми, из немых красноречивыми! Итак, да здравствуют верные и постоянные наслаждения в любом возрасте, для любого пола! Действительно, скажу по справедливости, хотя и без охоты: пиры нас часто утомляют, часто вызывают отвращение, долгое время держат пресытившимися, приносят расстройство желудка; стариков же они совершенно не увеселяют. В питье же вина не имеет значения ни сколько выпито, ни когда выпито, и оно, как говорится, всегда без ущерб доставляет удовольствие как прочим возрастам, так и более всего старикам.

5. Спросишь, почему? Потому что для человека в старости почти все теряет свою прелесть; что же касается святых даров Бахуса, они с каждым днем становятся все более прекрасными. И если поверить Тибуллу:

"Сок этот нас научил, как голос возвысить до песни,